

Оглавление

- Ануфриев А. А. Семантические особенности предикатов понимания в испанском языке
- Дяченко А. С. Сазта как отражение мироощущения испанцев XVI-XVII веков
- Кистерева Е. Э. О некоторых особенностях грамматического примера в «Диалоге о языке» Х. де Вальдеса
- Кулешова Н. А. Анализ англицизмов в испанской прессе (на материале женских гламурных и глянцевого изданий)
- Меркулова Е. А. Типы восклицательных предложений в испанском языке и критерии их классификации
- Невокшанова А. А. Основные вопросы языковой политики в период правления Х. Д. Перона (1946-1955 гг.)
- Симонова М. В. Диалектные и окказиональные фразеологизмы в оригинале и в переводе (на примере переводов романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» на испанский язык)

Семантические особенности предикатов понимания в испанском языке

Ануфриев Александр Александрович

Аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Понимание и в логике, и в лингвистике обычно рассматривается в связи со знанием. Оно может рассматриваться и как разновидность знания, и как результат освоения, обработки знания субъектом, знания, которое встраивается в его картину мира. Обработка разумом фактов способствует обретению истинной информации. Понимание подразумевает активную мыслительную работу, опирающуюся на предшествующее знание. Таким образом, понимание представляет собой умноженное знание и одновременно связующее звено между знаниями разного вида, процесс постижения сущности явлений и его результат.

Основной смысл, выражаемый предикатом понимания в качестве пропозициональной установки, включает в себя знание, и соответственно фактивную презумпцию. Тем не менее, выделяются и другие оттенки смысла, в том числе нефактивные. Одним из компонентов семантики понимания и частью когнитивного цикла является интерпретация полученной из различных источников информации, предшествующая окончательному осмыслению, осознанию ситуации в целом. В языке предикатами понимания могут выражаться и окончательная, и промежуточная стадии данного цикла. Непонимание при этом может выражать и невозможность субъекта проанализировать ситуацию в целом, и невозможность сопоставить некоторые элементы действительности, сочетание которых не вписывается в его картину мира. Кроме непонимания в языке в контекстах несовпадения говорящего и субъекта оценки может выражаться и ошибочное, неправильное понимание, т.е. ошибочный взгляд на ситуацию, фактически ошибочное мнение. Субъект на основе анализа информации приобретает представление, несоответствующее действительности.

Еще один смысл, выражаемый глаголами понимания, стоит особняком и, по сути, представляет собой переносное значение. В отличие от основного эпистемического данное значение связано не с ментальной, а с аксиологической оценкой. Эпистемическое понимание представляет собой освоенное и осмысленное субъектом представление об устройстве фрагмента внешнего мира, трактуемое как истинное, в то время как аксиологическое направлено на фрагмент ментального мира другого человека или его поведение, выражает позитивную или негативную оценку. Понимание в этом смысле подразумевает принятие чего-либо как естественного, одобрение, солидарность или даже сопереживание, непонимание – неодобрение, неприятие, обособление от чьих-либо взглядов или действий. При этом такое аксиологическое значение накладывается на эпистемическое значение понимания-осознания, не отрываясь от него полностью.

Вышеописанные смыслы в испанском языке выражаются, прежде всего, глаголами *comprender* и *entender*. Хотя их семантика частично совпадает (практически во всех словарных толкованиях одно из значений каждого из предикатов определяется через другой), они взаимозаменяемы далеко не во всех контекстах. В то время как глагол *entender* в основном используется и для выражения конкретного, практического понимания, и для абстрактного понимания, глагол *comprender* в основном обозначает абстрактное понимание. При этом для *comprender* более типично пропозициональное употребление, а для *entender* характерно и то, и другое.

Исходя из множества словарных толкований, можно выделить следующие значения. Для *comprender*: 1) воспринимать, осознавать смысл чего-либо; 2) знать, иметь ясное представление, прийти к знанию чего-либо; 3) находить справедливым или естественным действия или чувства кого-либо. У *entender* помимо двух первых значений, соответствующих *comprender* выделяется также нефактивное значение мнения. При этом глагол трактуется через путативные глаголы *creer*, *opinar*, *pensar*, *juzgar*.

Первые два значения, общие для обоих глаголов, представляют собой одно и то же вышеописанное эпистемическое понимание-осознание-интерпретацию, только в первом случае это буквальное понимание-расшифровка, а во втором – пропозициональное понимание ситуации в целом. Аксиологическое понимание, выражаемое *comprender*, на самом деле может выражаться обоими предикатами, так же, как и нефактивные значения уверенности.

Контексты совпадения говорящего и субъекта оценки являются наиболее благоприятными для реализации нефактивных контекстов. Говорящий может выражать фактивное выводное понимание-осознание как констатацию, но нередко вслед за констатацией следует противительная конструкция: говорящий в ответ на предполагаемый или реальный упрек или вопрос утверждает нечто вопреки осознанию ситуации. В подобных случаях экспликация понимания может служить аргументом при убеждении. Собственно для убеждения, для воздействия на слушателя говорящий часто использует предикаты понимания и в аксиологическом значении. Предикаты понимания также могут использоваться для утверждений о чужих чувствах. В таких высказываниях не всегда ясно, говорится ли только об осознании чужой эмоции, или о понимании и оправдании эмоции одновременно. Когда предикаты вводят нефактивные пропозиции, говорящий может опять же просто выразить собственную оценку или же констатировать свою полную или частичную солидарность с чьей-либо оценкой.

Таким образом, в вышеописанных случаях весь спектр значений, связанных с пониманием, могут выражать оба предиката, и нельзя сказать, что какому-то из них носители в целом отдают предпочтение. Учитывая свойства вышеописанных предикатов восприятия и понимания, можно сказать, что понимание – это состояние, более активное, чем знание. Гораздо чаще, чем предикат знания, предикат зрения сближается с путативными предикатами, а у *entender* данное значение даже фиксируется словарями. Можно сказать, что данные предикаты, в основном своем значении являясь фактивными, по своим семантическим свойствам сближаются с глаголами и знания, и мнения, занимая среди испанских эпистемических предикатов особое место.

Саэта как отражение мироощущения испанцев XVI-XVII веков

Дяченко Анна Станиславовна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Из всех европейских стран постсредневековая Испания выделялась наибольшим влиянием религиозного сознания на все сферы жизни. Во многом это объясняется особым геополитическим положением страны. Сам факт сосуществования различных религиозных конфессий на одной территории ставил перед католической церковью задачу защиты официальной религии от проникновения чуждых ей еретических взглядов, мусульманских и иудейских влияний. Подобная ситуация породила жесткую догматичность, непримиримость и нетерпимость католической церкви в Испании. В этом контексте представляется интересным проследить некоторые особенности религиозного мироощущения жителей Испании той эпохи на примере *саэты* – жанровой формы, зародившейся в то время в Андалусии, где проблема совместного проживания на одной территории разных конфессий было особенно актуальной. В самом названии саэты (от лат. *Sagitta* - стрела) содержится метафора. Собственно, стрела всегда воспринималась как символ чего-то поражающего, ранящего, уязвляющего, и не только физически, но и духовно. *Saeta* – это та стрела, которая, пронзая уязвленную грехом человеческую совесть, стремится к христианским идеалам и ценностям.

«В религиозном сознании, как и в мифологии, духовно-практическое освоение мира осуществляется через его раздвоение на священный (сакральный) и повседневный, “земной” (профанный)» [Лазарев, Трифонова]. Саэта как жанр возникает в клерикально-монашеской среде, когда монахи ордена Святого Франциска выходят на проповедь,

обращаясь к народу со словами, подобными этим: *Despierta, hombre, despierta // no aguardes a que la muerte // condenado te despierte.*

В эпоху Возрождения в народной поэзии и в живописи одной из самых востребованных, излюбленных и распространенных становится тема второго пришествия грозного Судии и образы Страшного суда. Народное сознание, которому было отнюдь не свойственно проникновение в хитросплетения и премудрости католического богословия, с легкостью воспринимало и представления о райском блаженстве и образы адского огня. Поскольку монахи обращались к толпе с проповедью, сердцевинной которой была христианская мораль, то неудивительно, что содержанием саэт становятся образы покаяния, описания всевозможных мук ада и пламенный призыв к исправлению греховной жизни. Это заметно и при лексическом анализе: наиболее частыми в таких саэтах оказываются слова *pecado, confesión, muerte, condenado, infierno*. Приведем пример: *Si un pecado mortal sólo // te lleva al eterno fuego, // cómo duermes con sosiego?* Подобные саэты вошли в сборник под названием «*Saetas del desengaño*» (1684 г.) Та эпоха была временем жестоких социальных конфликтов и острых идеологических противоречий. Несоответствие идей гуманизма с реальной жизнью породило в сознании народа «особое, чисто испанское, отношение к жизни, выражаемое емким словом *desengaño*, - не разочарование, а прозрение, отрицание лжи, иллюзий всякого рода». [Поэзия испанского барокко: 12].

Важно и то, что звучащая в устах осознающего свое униженное положение простого народа саэта отражала и социальный статус своего исполнителя. Для ее содержания становится весьма характерным сравнение народных бед и скорбей со страданиями, перенесенными Иисусом Христом: *Atormentao y sin culpa // te llevan en una cruz. // Lo mismito trata el amo // al campesino andaluz*. В пении андалузец жалуется на несправедливо претерпеваемые им страдания. Таким образом, саэта становится выражением мироощущения народа, населяющего Андалусию – и христиан, и обращенных иноверцев.

Литература

Лазарев Ф.В., Трифонова М.К. Философия: <http://lazarev-filosofia.ofilosofii.ru/>

Поэзия испанского барокко / Сост. В.Н. Андреев, А.Ю. Миролюбова. СПб., 2006.

О некоторых особенностях грамматического примера в «Диалоге о языке» Х. де Вальдеса

Кистерева Евгения Эдуардовна

Студентка Московского государственного университета имени Ломоносова, Москва,
Россия

«Диалог о языке» Хуана де Вальдеса (Juan de Valdés, *Diálogo de la lengua*, 1535-1536) несомненно занимает важное место в истории развития грамматической мысли в Испании. «Диалог...» стал одним из основополагающих лингвистических трудов по грамматике испанского (кастильского) языка. В этом грамматическом труде было зафиксировано состояние кастильского языка первой половины XVI века.

Вальдес пишет свой труд в характерной для той эпохи форме диалога. Участниками разговора выступают друзья гуманиста, среди которых два уроженца Италии и соотечественник автора, а также сам автор, благосклонно отвечающий на всевозможные вопросы относительно его родного языка. Следует отметить, что «Диалог...» Вальдес пишет в Неаполе, где на тот момент больше всего чувствовалось возросшее в Италии испанское влияние, чем и объясняется желание собеседников усовершенствовать свои знания кастильского языка в беседе со столь образованным и просвещенным испанцем.

Таким образом, «Диалог о языке» создается Вальдесом в помощь иностранцам, изучающим кастильский язык. Поэтому Вальдес строит свои рассуждения в особенной манере и отбирает примеры, соответствующие прагматической установке.

Примеры, как действенный прием, приобщающий слушателя к объекту рассуждения, занимают значительную часть текста. Диалог построен в форме вопроса-ответа, и почти в каждой реплике Вальдеса есть примеры – иллюстрации сказанного. В лице автора собеседники видят достойного доверия носителя языка, знатока современного ему узуса, который является кладезем народной мудрости.

Корпус грамматических примеров, которые привлекает Вальдес, разнообразен по составу и стилистике. В него входят отдельные слова и словосочетания современного автору языка, а также фольклорные элементы - пословицы и поговорки («*refranes castellanos*»), загадки, отрывки из народной поэзии.

Большую часть примеров составляют именно пословицы и поговорки, что автор объясняет легкостью их запоминания и большим авторитетом с языковой точки зрения: «*porque oyéndolos los aprendáis, y porque más autoridad tiene un exemplo destes antiguos que un otro que yo podría componer*» [Valdés: 46].

Наравне с этим Вальдес часто приводит в качестве правильного тот вариант, который он сам привык использовать. Объясняет он это либо тем, что для него самого, как для носителя языка, данный вариант более благозвучен и удобен при написании или произношении, либо доказывает от противного, что «неправильный» вариант можно услышать только из уст некультурного и необразованного испанца или же иностранца, не владеющего языком. В частности, Вальдес обогащает кастильский язык неологизмами собственного сочинения.

Таким образом, Вальдес не выделяет единственного и правильного источника познания норм языка и даже заверяет, что нельзя описать народные языки в правилах, по которым было бы возможно изучить эти языки: «*las lenguas vulgares de ninguna manera se pueden reduzir a reglas de tal suerte que por ellas se puedan aprender*» [Valdés: 49].

Но все-таки для автора остается главным критерием принятия или непринятия в качестве правильного варианта отношение элемента к узусу. В этом они расходятся с Небрихой, который в своих работах стремился закрепить кастильский язык на пике расцвета и обозначить норму, по которой необходимо изучать испанский язык. Вальдес же предпочитает норме узус и упрекает Небриху за навязывание нормы, в основе которой лежит не «чистая» кастильская, а андалусская речь: «*porque él era de Andalucía, donde la lengua no está muy pura*» [Valdés: 12].

Почти каждое высказанное положение Вальдес дополняет примером. Эти языковые иллюстрации в виде устойчивых фраз и выражений не сопровождаются пространным комментарием, чего нельзя сказать о словах и формах, которые Вальдес черпает из собственного языкового инвентаря. В таких случаях к выбранному элементу прилагается объяснение его этимологии, данная форма сравнивается с латинской, греческой или древнееврейской формой-этимомом, рассматривается с точки зрения стилистического употребления или же противопоставляется форме «неправильной», «вульгарной».

Интересно, что некоторые исследователи не рассматривают «Диалог» Вальдеса как учебник кастильского языка, отмечая бессистемность организации материала и отсутствие четкой формулировки правил и норм употребления [Sánchez: 24].

В «Диалоге о языке» Х. де Вальдеса обнаруживается некий отпечаток и отражение состояния испанского языка первой половины XVI в. Кроме того, в этом грамматическом труде не дается систематизированного описания правил кастильского языка.

Так, в «Диалоге о языке» Х. де Вальдеса мы находим некий отпечаток и отражение состояния испанского языка первой половины XVI века, с одной стороны. Но, с другой стороны, в этом грамматическом труде не дается полного и систематизированного описания правил кастильского языка, а подчеркивается, что только знание узуса и, одновременно с этим, языковых традиций дает возможность понимания языка. Поэтому столь неоднозначен взгляд самого автора на понятие нормы и столь неоднороден состав приводимых грамматических примеров, большинство которых взято из активного лексикона испанских образованных кругов.

Являясь, фактически, вторым серьезным после грамматики Небрихи трудом о кастильском языке, «Диалог о языке» в выборе примеров отдает предпочтение узусу и «живым» проявлениям языка, не пытаясь, в отличие от своего предшественника, написанного еще в конце XV века, доказать признанное еще на рубеже веков величие испанского языка и вписать его в языковой континуум эпохи. Но именно благодаря этой противоречивости «Диалог о языке» так важен для истории развития испанской грамматической мысли.

Литература

Valdés J. Diálogo de la lengua. Edición y notas de clásicos castellanos. Madrid, 1946.

Sánchez P. A. Historia de la enseñanza del español como lengua extranjera. Madrid, 1992.

Сулимова Н.Г. История развития испанской грамматической мысли (XV-XIX в.). М., 2005.

**Анализ англицизмов в испанской прессе
(на материале женских гламурных и глянцевого изданий)**

Кулешова Наталья Александровна

Аспирантка Российского университета дружбы народов, Москва, Россия

В настоящее время приток заимствований из английского языка во многие языки мира представляет неоднозначный и противоречивый процесс. Проводником огромного числа англицизмов являются печатные СМИ и в частности гламурные и глянцевые журналы (*revistas femeninas de alta gama*). Статьи глянцевых изданий, призванные пропагандировать новые модные тенденции в одежде, изобилуют огромным количеством «модных» английских слов и выражений. Наши наблюдения позволяют подразделить используемые в испанской гламурной прессе англицизмы на семь основных тематических групп: мода (*fashion, casual*), красота (*look, gloss*), спорт (*fitness, freestyle*), культура (*best-seller, performance*), жизнь представителей высшего общества (*celebrity, jet set*), оценочная лексика (*cool, boom*), интернет (*blog, online*).

В подобных журналах встречаются как неологизмы, так и «иностранные слова», которые различаются степенью адаптации в испанском языке. Неологизмы – заимствования, ассимилированные в той или иной степени, а «иностранные слова» характеризуются отсутствием всех типов адаптаций. Как правило, в тексте статей данного типа неассимилированные заимствования естественно сохраняют английскую графику и выделяются курсивом, то есть редакторы дают читательницам понять, что то или иное слово или выражение является элементом другого языка. Однако, англицизмы, употребляющиеся на обложках глянцевых изданий, а так же в заголовках статей никак не маркируются. В отношении заимствований, используемых в подзаголовках, у редакторов различных изданий нет общего мнения. Подобные англицизмы могут заключаться в кавычки, а могут и не быть маркированными.

Что касается неологизмов (частично или полностью ассимилированных заимствований), то у редакторов также нет единой политики в вопросе их оформления в текстах статей. Ярким примером такого неологизма может служить слово «*glamou r /glamur*» (несмотря на рекомендации различных словарей писать его соответственно правилам испанской фонетики, т.е. через *u*, более распространено английское написание).

Recreamos un clave de moda el estilo de una mujer que derrochó *glamour*... (*Telva*, marzo 2008)

Para muchas mujeres es lo más en *glamour*... (*Telva*, marzo 2008)

Данное заимствование уже адаптировалось в испанском языке. Оно занесено во все испанские словари, которые также фиксируют образованное от него прилагательное «*glamouroso / glamuroso*». Однако, несмотря на такую высокую степень адаптации, существительное «*glamour*» в тексте статей оформляется по-разному, в то время как прилагательное «*glamouroso*», выделенное курсивом нам не встретилось ни разу.

Типы восклицательных предложений в испанском языке и критерии их классификации

Меркулова Екатерина Алексеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Как известно, существуют различные экспрессивные и оценочные конструкции, с помощью которых коммуниканты выражают своё эмоциональное и субъективное отношение к предмету речи. Ярким примером таких конструкций являются восклицательные предложения.

Несмотря на длительную историю изучения предложения в зарубежной и отечественной лингвистике, остается дискуссионным вопрос о статусе восклицательных предложений в синтаксической системе языка.

Первоначально восклицательные предложения рассматривались как самостоятельный коммуникативный тип наряду с повествовательными, вопросительными и повелительными предложениями.

Затем появился другой взгляд на этот вопрос: поскольку языковое общение сопровождается различными эмоциями, то любое предложение может получить эмоциональную окраску. Как результат, восклицательным предложениям было отказано в собственном коммуникативном статусе.

В испанской лингвистической традиции существует ряд работ, посвящённых изучению различных типов восклицательных предложений и критериям их классификации. Например, испанский лингвист А. Алонсо-Кортес предлагает рассматривать отдельно друг от друга два понятия: *oración exclamativa* (восклицательное предложение) и *exclamación* (восклицание). По его мнению, восклицательные предложения – это синтаксически оформленные высказывания, обладающие иллокутивной силой, в то время как восклицания представляют собой просто экспрессивно окрашенные высказывания.

В основе классификации восклицательных предложений лежит синтаксический и прагматический критерий.

Прагматическая сущность восклицательных предложений обусловлена характером перлокутивного эффекта, эмоциональным состоянием коммуникантов, коммуникативной ситуацией и рядом других прагматических факторов (суть прагматического критерия).

Оценочное значение выражается интонацией, порядком слов, инверсией, эмфатическим выделением определённого компонента, использованием лексических классов слов и т.д. (суть синтаксического критерия).

Язык является средством не только для обмена информацией, но и для выражения эмоций говорящего, воздействия на эмоциональную сферу слушающего и высказывания оценки. Восклицательные предложения — основное синтаксическое средство, характеризующееся эмотивной интенцией и позволяющее достичь данного результата. В системе языка этот результат представлен определенными структурными и структурно-прагматическими типами восклицательных предложений.

Литература

Alonso-Cortés A. La exclamación en español. Estudio sintáctico y pragmático. Madrid, 1999.

Основные вопросы языковой политики в период правления Х. Д. Перона (1946-1955 гг.)

Невокшанова Анастасия Андреевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Хуан Доминго Перон – одна из наиболее известных личностей в аргентинской политической истории XX века. Будучи военным, он трижды занимал президентское кресло, и все три раза был выбран в соответствии со всеми демократическими

процедурами – случай для аргентинской политики достаточно уникальный. Принято считать, что подобным успехом он был обязан, в частности, грамотной языковой политике, изучению которой посвящены различные филологические, социологические и юридические исследования.

Основные нормативные документы, позволяющие сделать определенные выводы о языковой политике двух первых президентских сроков Х. Д. Перона: разделы «Образование» и «Культура» так называемых Первого и Второго национальных пятилетних планов»; учебные программы по различным гуманитарным дисциплинам: испанскому языку, литературе, латыни, иностранным языкам; законы, касающиеся организации и регулирования деятельности культурно-образовательных учреждений.

Рассматривая языковую политику 1946-1955 годов, мы можем разделить этот период на два этапа, совпадающих хронологически с двумя президентскими сроками Перона.

Первый из них (1946-1950) характеризуется достаточно консервативным подходом правительства к языковым вопросам. Два основных направления языковой политики: защита языков местного населения, с одной стороны, и следование традиции испанского пуризма, с другой. В то же время речь не идет о противоречии, но скорее о взаимодействии: в нормативных документах отражается постепенное формирование национального, собственно аргентинского, культурного и языкового самосознания. Однако само понятие аргентинской нации тесно связано с культурным пространством испаноязычного мира.

Показательным в этом отношении оказывается раздел «Культура» Первого пятилетнего плана, в котором понятие «национальная культура» включает, с одной стороны, испанское культурное наследие, основными элементами которого считаются язык и религия, и, с другой стороны, собственно аргентинскую культуру, представленную народными и фольклорными элементами, прежде всего, поэзией гаучо и языками местного населения. Испанское наследие объявляется объектом защиты, а культура собственно аргентинская – объектом распространения и популяризации.

Что касается понятия «национального языка», на этом этапе мы не наблюдаем значительных расхождений с предшествующей традицией: язык воспринимается как данность, как часть культурного наследия испанской конкисты. 12 октября 1947 года Перон произносит в аргентинской Академии испанского языка речь, в которой кратко изложены основные положения языковой политики того времени. Эта речь была включена в специальный выпуск периодического издания Академии, посвященный памяти Мигеля де Сервантеса.

Любопытно, что сотрудничество правительства с Академией довольно быстро подойдет к концу – в самом начале пятидесятых годов будет составлен закон о регулировании деятельности Национальных академий. Этим ознаменуется, наряду с принятием Второго пятилетнего плана, начало следующего этапа правления Перона (1951-1955).

Это будет во многом поворотный момент для языковой политики не только по сравнению с положениями нормативных документов 1946-1950 годов, но и со всей предшествующей законодательной традицией в этой области. Во втором пятилетнем плане уже не упоминается культура, унаследованная от Испании. Очень характерными отличительными чертами этого периода является появляющееся на законодательном уровне четкое разграничение между «официальной» разновидностью испанского языка, связанной в тексте с деятельностью Королевской Академии, и «национальной» языковой разновидностью.

Также во второй период разрабатываются законы об образовании, которые определяют содержание школьных учебников. Большое внимание уделяется преподаванию испанского и иностранных языков. Так, например, в 1953 году в программу изучения испанского языка в старших классах был включен словарь аргентинизмов и

понятие «национальной языковой системы», не упоминавшихся в аналогичной программе 1949 года. Также был изменен и дополнен список рекомендуемой литературы.

В то же время речь здесь идет, прежде всего, не о национальной разновидности испанского языка, а о возможности легального вмешательства правительства в лингвистические и социолингвистические вопросы. Включение этих пунктов во Второй пятилетний план породило серьезную полемику на парламентском обсуждении.

Таким образом, мы можем наблюдать, как на протяжении десяти лет правления Х. Д. Перона менялась позиция правительства в вопросах языковой политики. Консервативное правительство первого периода, придерживающееся традиционных взглядов на испанский язык и культуру, и скорее фиксирующее в нормативных документах сложившуюся социолингвистическую ситуацию в стране, во втором периоде занимает намного более активную позицию, претендуя на абсолютный контроль деятельности всех культурно-образовательных учреждений. Меняется и понятие «национального языка», который становится в этот период одной из важнейших составляющих аргентинского национального самосознания.

Диалектные и окказиональные фразеологизмы в оригинале и в переводе (на примере переводов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» на испанский язык)

Симонова Мария Владимировна

Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Текст романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» богат фразеологическими единицами, как литературными, так и диалектными и окказиональными. Наибольший интерес для нас представляют способы перевода диалектных и окказиональных фразеологизмов. Использование автором в речи персонажей идиом, характерных только для казачества, а также создание М.А. Шолоховым новых фразеологизмов является одним из приемов речевой характеристики персонажей и противопоставления образов, относящихся к разным социальным слоям.

Как правило, диалектные фразеологизмы характеризуются наличием национального колорита, поэтому к их переводу стоит подходить с особой осторожностью: передать их при помощи эквивалента нельзя, так как эквивалентность предполагает идентичность всех значений оригинального и переводного фразеологизмов. Следует наметить в переводе на особенность данного выражения, а если это не возможно, то передать его нейтральным аналогом или другими нефразеологическими способами перевода.

В данной работе мы опираемся на несколько переводов «Тихого Дона»: перевод В. Медина и Х. Карбо (Испания, 1930 г.) [Cholokhov Miguel], перевод Ф. Алькантара (Испания, 1966 г.) [Cholojov Mijail], перевод Х. Лайна Энтральго (Россия, 1975 г.) [Shólojov Mijail] и аргентинский перевод 1942-1946 гг. [Sholojov Miguel].

При передаче диалектной фразеологии переводчики «Тихого Дона» в основном пользуются описательным приемом перевода, лексической заменой фразеологизма словом или свободным словосочетанием, иногда прибегают к калькированию. Зачастую переводчику трудно понять смысл диалектного фразеологизма, в результате чего происходит искажение смысла устойчивого выражения. Рассмотрим пример с диалектным фразеологизмом «драться в стенках», то есть ‘стенка на стенку’: «Жалкую я об одном, парень... дюже жалкую... Помнишь, в позапрошлом годе на маслену **дрались мы в стенках?**».

Пер. В. Медина и Х. Карбо / Арген. пер. / Пер. Ф. Алькантара	Пер. Х. Лайна Энтральго
Sólo lamento una cosa... ¡Y la lamento de corazón! ¿Recuerdas de nuestros pugilatos de carnaval, hace dos años?	Hay una cosa que lamento, mozo... la lamento mucho... ¿Recuerdas cuando hace dos años nos peleamos? En el carnaval?

В первом случае переводчики используют прием нефразеологического лексического перевода диалектного фразеологизма, который в текстах переводов был заменен лексемой *pugilatos* (кулачные бои). В переводе Х. Лаина Энтральго находим также нефразеологический способ перевода, заключающийся в лексической замене фразеологизма придаточным предложением, причем происходит генерализация его значения – *cuando nos peleamos* (когда мы дрались). Таким образом, ни в одном из переводов значение этого фразеологизма, своего рода реалии, не передано: это была не случайная драка, а традиция кулачных боев, принятых проводится в казачьей среде по праздникам среди мужского населения.

Встречаются и случаи калькирования диалектных фразеологизмов, в результате чего происходит потеря смысла выражения: «Дожил ты, божья купель, до седых волос, а вот лопочешь тут... **несешь и с Дону и с моря**, людям спать не даешь...». В «Словаре языка М. Шолохова» данное устойчивое выражение объясняется как «болтать вздор, чепуху». Не во всех переводах правильно передано значение диалектного фразеологизма:

Арген. пер.	Пер. Ф. Аьлкантара	Пер. Х. Лаина Энтральго
Has vivido, vieja, hasta tener cabellos canosos, pero estás diciendo cosas... sacas cosas del Don y del mar , no les permites dormir a la gente cansada...	Tienes cano el cabello, bendita mujer, y charlas por los codos , sin dejar dormir a la gente.	Eres vieja y tu cabello es blanco, pero dices unas cosas... Desbarras y no nos dejas dormir

В аргентинском издании находим дословный перевод исходного фразеологизма *sacas cosas del Don y del mar* (досл.: достаешь вещи из Дона и из моря), в результате чего происходит «дезориентация» читателя. Ф. Аьлкантара неправильно понял смысл фразеологизма и заменяет его испанским фразеологизмом *hablar (charlar) por los codos*, который обозначает ‘разговаривать слишком много’, что противоречит значению исходного фразеологизма. Х. Лаин Энтральго прибегает к лексическому способу перевода, он находит в испанском языке глагол *desbarrar* (болтать глупости, нести всякий вздор), по своему значению и стилистике схожий с эквивалентным оригинальным фразеологизмом.

Любопытен пример с переводом авторского фразеологизма «из души скляночку вынуть», то есть ‘быть готовым сделать что угодно ради другого человека’: «Ты меня пожалела, а я в долгу не останусь! Я тебе, Аксиньюшка, хоть **из души скляночку выну**...».

Пер. В. Медина и Х. Карбо / Арген. пер. / Пер.Ф. Аьлкантара	Пер. Х. Лаина Энтральго
Eres muy gentil conmigo, Axiuchka, y yo seré contigo del mismo modo. ¡Me partiría en cuatro por ti!	Te portas muy bien conmigo, Axinia, y yo no me quedaré en deuda: haré por ti todo cuanto pueda.

Х. Лаин Энтральго передает диалектный фразеологизм описательно, раскрывая его значение – *haré por ti todo cuanto pueda* (я сделаю ради тебя все, что смогу). Однако первый вариант перевода *¡me partiría en cuatro por ti!* (досл.: я бы разорвался на четыре части ради тебя) можно рассматривать как индивидуальный эквивалент исходному фразеологизму, так как такая идиома отсутствует в словарях и справочниках по испанской фразеологии. Новый фразеологизм, построенный на новой метафорической основе, передает смысл, идентичный оригинальному, и, кроме того, носит разговорный характер.

Таким образом, как видно из примеров, диалектные устойчивые выражения в тексте романа «Тихий Дон» переводятся на испанский язык описательно, а также дословно, в результате чего, происходят значительные сдвиги и потери в области значения идиом. Однако существует и примеры, хотя и редкие, использования переводчиками испанских аналогов или создание индивидуальных эквивалентов средствами переводного языка.

Литература

Шолохов М.А. Тихий Дон. Книги 1-4. Нижний Новгород, 1993.

Cholokhov Miguel. Sobre el Don apacible (novela). Traducción de Vicente S. Medina y José Carbó. Madrid, 1930.

Cholojov Mijail. El Don apacible. Traducción de Francisco J. Flcántara y Diego Pruna. Barcelona, 1966.

Shólojov Mijail. El Don apacible. Traducido del ruso por José Laín Entralgo. Libros 1-4, Moscú, 1975.

Sholojov Miguel. Libro 1 Sobre el Don apacible, Libro 2 Se desbordó el Don, Libro 3 Fuego en el Don, Libro 4 Sangre en el Don, Libro 5 El Don arrasado. La Habana, 1962-1964.